

Глава 11. Свадебный пир в доме Чэнь

Хотя семья Чэнь и не устраивала пышных торжеств, Чэнь Гуанцзун был их единственным сыном, и мать не хотела слишком его обижать.

Поэтому без фейерверков, барабанов и гонгов не обошлось.

Когда Линь Цисуй и Се Чанси подошли к дверям дома, дождь чудесным образом прекратился.

Странные гости, которых они видели с другой стороны улицы, уже зашли во двор, так что они двое оказались последними.

У ворот стоял деревянный стол, за которым сидел старик в костюме, расшитом благоприятными узорами «цзисян жуюй», и с очками на переносице, записывая подарки.

Юноша подошёл и протянул ему приглашение, полученное от невесты.

Старик взял его, поднёс к самым линзам, долго разглядывал, а затем махнул рукой, приглашая их войти.

Только они переступили порог, как из двора разъярённо выбежала мать Чэня.

На ней был новенький синий наряд в белый цветочек, волосы аккуратно уложены и украшены серебряной шпилькой, а лицо густо напудрено.

Правда, пудры было слишком много, отчего кожа казалась мертвенно-бледной, а на щеках горели два неестественно алых пятна, делая её похожей на бумажное ритуальное изделие.

— Стоять!

Мать Чэня преградила им путь и, ткнув пальцем в Линь Цисуя, закричала:

— Ты же из той бумажной лавки напротив!

— У нас в доме праздник, что ты здесь делаешь? Какая же это неудача!

— А ещё на днях притворялся даосом и пытался нас обмануть, я с вами ещё не рассчиталась!

Она ругалась последними словами и, видя, что гости не уходят, схватила метлу и замахнулась на них.

— Убирайтесь! Прочь! Не мешайте нам заниматься делом!

— Тётушка Чэнь, — громко позвал юноша, — у нас есть приглашение, почему мы не можем войти?

— Твоя семья держит бумажную лавку, это приносит несчастье! — с отвращением выплюнула старуха. — Даже с приглашением нельзя!

Паренёк побледнел от гнева и хотел было возразить, но Се Чанси перехватил его за запястье.

Прекрасный призрак с ласковой улыбкой вдруг изогнул пальцы когтями и вцепился матери Чэня в макушку.

Линь Цисуй не успел понять, что тот задумал, как Се Чанси закрыл ему глаза другой рукой.

Тут же раздался тошнотворный хруст и сдавленный крик старухи, застрявший у неё в горле.

Юноше стало любопытно, и он попытался отвести руку Се Чанси, но тот держал крепко.

— Уверен, что не боишься? — раздался у самого уха чистый голос. — А то кто-то той ночью от вида труп собственного отца в обморок упал.

Паренёк от досады стиснул зубы, фыркнул и с новой силой оттолкнул его ладонь.

Мать Чэня всё ещё стояла к ним лицом, но её голова была вывернута на сто восемьдесят градусов, так что теперь на них смотрел лишь её чёрный затылок.

Линь Цисуй замер.

— Х-х-х... — из горла женщины доносились странные хрипы, словно она захлёбывалась кровью.

— Раз... раз у вас... есть приглашение... то... входите, — прерывисто выдавила она.

Сказав это, она взмахнула рукавами и ушла прочь задом наперёд.

Они, не мешкая, вошли во двор.

Небольшое пространство было заставлено пятью столами, за которыми теснилась толпа гостей. Было невыносимо шумно.

Но из-за оглушительной музыки Линь Цисуй не мог разобрать, о чём именно они говорят.

Пока он оглядывался, Се Чанси наклонился к нему и тихо сказал:

— Не стой столбом, сначала найди место, где сесть.

Только тут юноша пришёл в себя.

Он заметил, что гости, ещё мгновение назад болтавшие небольшими группками, уже расселись по своим местам.

Стояли лишь несколько человек, включая их двоих.

Линь Цисуй огляделся по сторонам.

К счастью, он быстро нашёл два неприметных места за столом у самых ворот и потянул спутника за собой.

Как только они сели, музыка и фейерверки стихли. Гости, до этого шумевшие, замолчали, словно им заклеили рты.

Во дворе воцарилась жуткая тишина.

Затем на крыльцо вышла мать Чэня и с мрачным лицом произнесла:

— Сегодня в нашем доме праздник, спасибо всем, что пришли.

— Прошу немного терпения, сейчас выйдут новобрачные, совершат обряды, и тогда начнём пир.

Она выглядела подавленной, совсем не такой радостной, какой юноша видел её в прошлый раз.

В этот момент в тишине раздался тихий, скорбный плач, словно плакала женщина.

Линь Цисуй замер и прислушался. Вскоре он понял, что звук доносится из боковой комнаты, расположенной недалеко от его стола.

Се Чанси, заметив, что юноша затаил дыхание, наклонился и спросил:

— Что такое?

Тот приложил палец к губам и указал на пристройку.

— Там, кажется, плачет женщина.

Они переглянулись. Оба невольно вспомнили о паре красных расшитых туфель, которые видели в прошлый раз.

— Я хочу посмотреть, — прошептал Линь Цисуй.

Он встал и направился к той комнате.

Но не успел он сделать и шага, как матушка Гуанцзуна, стоявшая в нескольких десятках метров от него, словно у неё были глаза на затылке, резко обернулась.

Её злобные, раскосые глаза впились в юношу.

— Пир ещё не начался, нельзя покидать места! Сядь! — закричала она.

Линь Цисуй посмотрел на неё, но не двинулся.

Видя это, старуха невесть откуда выхватила тесак и бросилась с крыльца.

Она выглядела так, словно была готова зарубить его на месте, если он не подчинится.

Юноше ничего не оставалось, кроме как сесть.

Только тогда женщина остановилась, отбросила тесак и вернулась на крыльцо.

Но она всё ещё не успокоилась. Хотя её тело было обращено к главному залу, голову она вывернула назад и пристально следила за Линь Цисуем, словно боясь, что тот снова вскочит.

Пронаблюдав так какое-то время и убедившись, что гость не шевелится, она повернула голову обратно.

Воспользовавшись этим, Линь Цисуй снова тихонько сполз со стула.

Се Чанси лишь промолчал.

Прикрываясь сидящими за столом людьми, юноша, пригнувшись, стал пробираться к боковой комнате.

Но не успел он отойти и на два шага, как все гости за их столом разом повернулись и уставились на него.

Сидевший рядом мужчина средних лет даже высоко поднял руку:

— Матушка Гуанцзуна! Кто-то...

Не успел он договорить, как клубок чёрного тумана внезапно обвился вокруг его запястья и с хрустом оторвал ему всю руку.

— Хрусть.

Мужчина посмотрел на свою конечность, висящую в воздухе, и тут же замолк.

Се Чанси невинно улыбнулся ему:

— Уважаемый, вы, должно быть, ослепли. Кто здесь? Никого тут нет.

Тот мужчина снова обернулся и посмотрел на сторбившегося Линь Цисюя, после чего недовольно пробормотал:

— Он самовольно покинул место. Матушка Гуанцзуна же сказала, что нельзя.

— Он просто засиделся, вот и встал размяться, — лгал Се Чанси, не моргнув и глазом.

— Ну... ладно, — недовольно пробурчал мужчина и замолчал.

Он отвернулся, но то и дело косился на спутника юноши — вернее, на свою оторванную руку.

Се Чанси сделал вид, что не замечает. Он шевельнул пальцем, и чёрный туман рассеялся.

Всё ещё подёргивающаяся рука мужчины упала на землю.

Глаза того загорелись, и он хотел было нагнуться, чтобы её поднять, но призрак злобно ухмыльнулся.

Он вытянул ногу и в несколько движений растоптал руку в порошок.

Мужчина замер.

Под прикрытием Се Чанси Линь Цисуй быстро добрался до двери боковой комнаты и заглянул внутрь.

В тесной, тёмной камерке на сломанном стуле сидела невеста в красном свадебном наряде и с покрывалом на голове.

Её ноги были закованы в железные цепи, прикреплённые к вбитому в пол деревянному колу.

Юноша услышал, как она тихо напевает, и её голос был похож на плач:

> В мае рис цветёт,

> А муж мой — грудной младенец.

> Вырос муж, а жена стара,

> Бросил он её, другую полюбил.

<http://bllate.org/book/13453/1664402>